

Дворец Вечного Доверия

Великая принцесса ошеломлённо смотрела на то, как Хань Сиэнь одним махом повесил на её сына ярлык изменника. Она прекрасно понимала: пусть голос императора сейчас и звучит спокойно, любой намёк на угрозу трону заставлял правителя насторожиться. Даже зная, что Хань Сиэнь мелет сущую чепуху, государь из-за своей мнительности всё равно не останется безучастным.

Однако в этот критический момент принцесса вдруг успокоилась. Ей хотелось посмотреть, какие доказательства сможет предъявить этот несносный юноша, чтобы подтвердить свои обвинения.

Сглотнув слёзы, Великая принцесса в упор посмотрела на Хань Сиэня и заговорила, отчеканивая каждое слово:

— Пусть я лишь женщина из внутренних покоев и мне не пристало вмешиваться в государственные дела, но даже я знаю, что чиновнику надлежит отличать правду от лжи. Наследник Хань пользуется благосклонностью Его Величества, а потому ему следовало бы помнить, чем оборачивается гнусная клевета. Или же вы, господин наследник, принимаете доверие государя как нечто должное? Неужели вы настолько уверовали в собственную безнаказанность, что готовы бездоказательно чернить честных людей, ни во что не ставя окружающих?

Великая принцесса уже была наслышана о том, как Хань Сиэнь разорял и конфисковывал чужие усадьбы по пути в столицу. Произнося эти слова сейчас, она намеренно была по больному — тонко намекала императору, что юноша ни во что не ставит самого государя.

В душе императора шевельнулось раздражение. Какие бы щедрые привилегии он ни даровал Хань Сиэню в прошлом, он оставался повелителем Поднебесной. Трон дался ему нелегко, и подозрительность была его второй натурой.

Когда император кому-то верил, любые поступки этого человека казались ему правильными и продиктованными преданностью. Но стоило зерну сомнения пасть на благодатную почву, как даже самая кроткая улыбка или привычные заверения в верности начинали казаться притворством, скрывающим коварный умысел.

Великая принцесса сеяла раздор открыто, без утайки. Император не подал виду, но в его мыслях зароились сомнения: не слишком ли он разбаловал Хань Сиэня в последнее время? Держать людей в узде и использовать их в своих целях он умел превосходно, но также отлично знал, как легко лишить человека чувства меры, если вовремя его не одёрнуть.

Он хотел сделать из Хань Сиэня карающий клинок в своих руках. Но если это оружие перестанет подчиняться воле хозяина, он без малейших колебаний избавится от него.

Опасные мысли, бродившие в голове владыки, ни капли не заботили Хань Сиэня. Их союз

строился на взаимной выгоде. Пока император оставался его щитом, Хань Сиэнь мог жить припеваючи и ни в чём себе не отказывать. Лишись он этой опоры — что ж, его дерзость никуда бы не делась, просто пришлось бы умереть на пару лет раньше.

Впрочем, нынешнее безбедное существование ему вполне нравилось, так что терять столь могущественного покровителя прямо сейчас в его планы не входило.

Хань Сиэнь с самым серьёзным видом повернулся к Великой принцессе:

— Мои слова, Ваше Высочество, опираются на факты. Осмелюсь задать вам несколько вопросов и надеюсь услышать на них честные ответы.

Под пристальными взглядами вдовствующей императрицы и государя Великая принцесса холодно обронила:

— Спрашивай.

— Я отправился в Лянцзян для борьбы с последствиями наводнения по личному указу Его Величества, — с суровым изяществом начал Хань Сиэнь. — Для облегчения задачи государь милостиво пожаловал мне императорский меч Шанфан. Однако ни вы, принадлежащая к правящей династии, ни молодой господин Фан не признали это высочайшее сокровище. Так ли это? И разве подобное пренебрежение не граничит с оскорблением величия императора?

Великая принцесса опешила, её лицо слегка побледнело. Хань Сиэнь действительно упоминал императорский меч при встрече с Фан Цзо, но ни сын, ни она сама тогда не придали этому значения. В обычное время такая оплошность сошла бы за обычное высокомерие юноши. Но сейчас, стоя перед императором, обвинение в неуважении к власти звучало чертовски весомо. И что хуже всего, главный удар приходился по ней самой: если неопытность Фан Цзо ещё можно было как-то простить, то она, рождённая в императорском доме, обязана была узнать меч Шанфан по особым гербам и знакам.

Ведь правило «видеть меч Шанфан — всё равно что видеть самого государя» никогда не было пустой формальностью.

Понимая, что Хань Сиэнь намеренно сгущает краски и цепляется к мелочам, принцесса осознала: эту горькую пилюлю ей придётся проглотить. Стиснув зубы, она опустилась на колени перед государем. Оправдывать сына она не стала, вместо этого заверив императора, что они с Фан Цзо, конечно же, узнали священное оружие, но просто побоялись подойти ближе без соизволения. У них и в мыслях не было выказывать пренебрежение к трону или оскорблять величие монарха.

Взглянув на коленопреклонённую принцессу, а затем на бесстрастное лицо вдовствующей императрицы, государь почувствовал, как напряжение немного спадает. Сменив гнев на милость, он мягко велел сестре подняться, добавив, что прекрасно знает её благонравие и ни на миг не сомневается в её верности. Растроганная до слёз принцесса принялась осыпать брата словами искренней благодарности за его безграничное доверие.

В покоях вдовствующей императрицы разыгрывалась трогательная сцена искренней родственной любви.

Пока они предавались взаимным излияниям чувств, Хань Сиэнь негромко и язвительно заметил из своего угла:

— Но в тот момент Ваше Высочество даже не попытались возразить. Неудивительно, что ваш покорный слуга впал в заблуждение и при первом же знакомстве сделал столь прискорбные выводы.

Принцесса стояла опустив глаза, храня ледяное молчание, зато император гневно сверкнул глазами на юношу:

— Вечно ты ищешь скрытый смысл там, где его нет! Из-за сущего пустяка обвинить людей в государственной измене? Язык твой без костей, Хань Сиэнь.

Хань Сиэнь мгновенно посерьёзnel и выпрямился:

— Если бы дело ограничивалось лишь этим, Ваше Величество, я не посмел бы бросаться подобными словами. Заметив, что знатные гости не признали императорский меч Шанфан, я прямо указал им на это. Однако молодой господин Фан проявил вопиющее равнодушие. Более того, он осыпал меня угрозами прямо перед священным клинком, пообещав устроить мне весёлую жизнь. Свидетелями тому были вся свита Великой принцессы и мои гвардейцы — вы можете лично допросить их, чтобы убедиться в моей правдивости. С древних времён лик меча Шанфан приравнивался к лику государя. Пусть молодой господин Фан избалован сверх меры, но выказывать подобную наглость недопустимо. Если судить мягко, это вопиющее неуважение к вашему величию. Если же зреть в корень — это явный признак затаённой измены и жажды занять ваше место.

Стоило последним, бьющим наотмашь словам Хань Сиэня сорваться с губ, как Великая принцесса вновь рухнула на колени. Но не успела она вымолвить ни слова, как император поднялся со своего места. Прищурившись, он впери́л тяжёлый взгляд в юношу и процедил:

— Ты хоть понимаешь, о чём говоришь?

На лице Хань Сиэня отразилась полнейшая непреклонность:

— Перед лицом Вашего Величества я не дерзну солгать. Что было у меня на уме, то я и высказал. В тот момент гнев пересилил мой разум, и я наказал наглеца на месте.

Император прекрасно знал характер Хань Сиэня: тот всегда рубил правду-матку с плеча. Даже когда он обвинял собственного отца перед престолом, в его голосе звенела та же непоколебимая правота. И всё же, глядя на него сейчас, государь невольно подумал, что парень грешит излишним упрямством. Изувечить человека до полусмерти, руководствуясь лишь собственными догадками — да, это было вполне в его духе.

Взять хотя бы его бесцеремонные обыски и конфискации усадеб... При мысли о том, что всю

эту вседозволенность Хань Сиэнь обрёл с его же молчаливого согласия, император испытал крайне противоречивые чувства.

Император хранил молчание. Великая принцесса украдкой взглянула на брата и, поняв, что его гнев поутих, не решилась испытывать судьбу расспросами. Вместо этого она устремила умоляющий взор на вдовствующую императрицу.

Вдовствующая императрица одарила сестру холодным взглядом. Она прекрасно понимала: стоит ей вмешаться, как и без того пошатнувшееся расположение императора к Великой принцессе увянет ещё сильнее. Но именно этого она и добивалась. Лишившись милости государя, принцессе не останется ничего другого, кроме как припасть к стопам своей царственной матери. А вместе с ней под контроль императрицы перейдут и те влиятельные силы, что стояли за кланом Фан.

Выдержав паузу, вдовствующая императрица заговорила ледяным тоном:

— Теперь и до меня дошла суть происходящего. Что и говорить, герцог Хань вырастил примечательного сына. Не имея на руках ни единой улики, а полагаясь лишь на собственные домыслы, он не побоялся обвинить членов императорской семьи в государственной измене. Мало того, сам вынес приговор и сам же привёл его в исполнение. Воистину, поместье герцога Хань, заслужившее свой титул первого ранга ещё при великих предках, воспитывает исключительно... своевольных преемников.

Поймав нужный момент, Великая принцесса тут же подхватила:

— Ваше Величество, матушка-императрица! Осмелюсь сказать, что даже если Цзо-эр действительно совершил проступок, вершить над ним суд надлежало Верховному суду Далисы или Министерству юстиции по вашему высочайшему велению. Самоуправство наследника Хань — разве это не явное неуважение к государю? Разве не свидетельствует оно о его собственных мятежных помыслах?

— Тут вы в корне неправы, Ваше Высочество, — со спокойным безразличием парировал Хань Сиэнь. — Вашему покорному слуге едва хватает сил, чтобы просто дышать, к тому же я обделён реальной властью. Зародись в моей голове хотя бы тень мятежных мыслей, Его Величество разгадал бы их в мгновение ока.

Принцесса высокомерно вскинула голову, собираясь разразиться новой гневной тирадой, но император, уставший от этих бесконечных препирательств, раздражённо поморщился. Прервав её взмахом руки, он обратился к Хань Сиэню:

— Как ни крути, в этой истории виноват ты. Вечно ты ищешь заговоры там, где их нет.

Хань Сиэнь послушно склонил голову, соглашаясь с замечанием государя. Пользуясь моментом, он повернулся к Великой принцессе и с самым кротким, обезоруживающе искренним видом произнёс:

— Прошу меня простить.

Глядя на его невозмутимое лицо, Великая принцесса невольно вспомнила своего собственного сына. Фан Цзо, покалечив кого-нибудь, точно так же складывал ладони и приносил свои «искренние» извинения. От этого сходства её сердце болезненно сжалось от досады.

Пока император раздумывал, как разрешить этот спор, двери распахнулись. Из бокового покоя, где лекари перевязывали раны, с диким криком выскочил Фан Цзо. Волосы его растрепались, глаза налились кровью. Прежде чем стража успела сделать хоть шаг, он с воплем: «Я убью тебя!» — безумным зверем ринулся прямо на Хань Сиэня.

Из всех присутствующих расторопнее всех оказался евнух Юань Бао. Пока Хань Сиэнь уклонялся от удара, верный слуга бросился наперерез и принял удар на себя. С глухим стуком покотившись по полу, Юань Бао чуть не сломал поясницу, но даже в падении умудрился мёртвой хваткой вцепиться в левую ногу безумца, который уже скалил зубы, силясь укусить обидчика.

Гнев захлестнул императора при виде этого непотребства. По его знаку в зал ворвались гвардейцы и прижали буйного юношу к полу. Великая принцесса подскочила к сыну и наотмашь вlepила ему хлёткую пощёчину. Удар был такой силы, что на щеке Фан Цзо мгновенно проступил багровый след. Это заставило его замолчать и застыть, испуганно глядя на разгневанную мать.

Те крупницы былой нежности, что император ещё питал к сестре, испарились без следа.

Хань Сиэнь, всё это время хладнокровно наблюдавший за представлением со стороны, нарушил молчание:

— Молодой господин Фан пытается совершить убийство прямо на глазах у Его Величества? Подобная дерзость при дворе красноречивее любых слов говорит о его истинном нраве. Что ж, раз Великая принцесса сегодня столь часто позволяет себе дерзкие речи, я тоже осмелюсь высказаться. Мне не довелось знать покойного великого генерала Фана лично, однако молва о его добродетели, благородстве и честности некогда гремела на всю Поднебесную. Увы, у его собственного сына не нашлось и капли отцовских достоинств. Интересно, не раскаялся ли сейчас великий генерал Фан, взирая на своё чадо из Жёлтых источников?

Эти слова ударили Великую принцессу по самому больному. Перед её глазами внезапно всплыл образ умирающего мужа. Фан Тянь лежал на смертном одре, и в его угасающем взгляде не было ни гнева, ни печали. Но принцесса, терзаемая тайным чувством вины, всегда помнила ту пугающую ясность его взора — словно он читал её душу как раскрытую книгу и обо всём догадывался.

Перед тем как испустить последний вздох, великий генерал произнёс лишь одну фразу: «Заботься о нашем единственном сыне Фан Цзо и не давай его в обиду».

В тот миг принцесса испытала облегчение, но вместе с тем почувствовала, как горька и нелепа её судьба. Ведь с самого первого дня замужества она втайне презирала этого невзрачного, грубого воина.

<http://bllate.org/book/20088/2002023>